

УДК 821.161.1-131

ВЗГЛЯД НА «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» ИЗ РУССКОЙ ПРАГИ

А. Ю. Жигалов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
кафедра истории русской литературы

*Замечательному русскому филологу, моему Учителю
Николаю Михайловичу Лебедеву посвящается.*

В статье анализируется книга филолога-эмигранта Е. А. Ляцкого ««Слово о полку Игореве». Повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах русской земли. Текст для школьного изучения» (Прага, 1937) – редкое явление в сфере методики преподавания древнерусской литературы.

Ключевые слова: *эмиграция, Чехословакия 1920 – 1930 гг., Русская Прага, медиевистика, история изучения древнерусской литературы, Е. А. Ляцкий, «Слово о полку Игореве»*

История изучения древнерусской литературы за рубежом полна лакун. Обратимся к ее чешским и словацким страницам, написанным чуть менее века назад и почти забытым сегодня.

После революции 1917 г. значительная часть интеллигенции оказалась за границей. В период между двумя мировыми войнами своеобразные «острова» русской цивилизации появились во Франции, Германии, Латвии, Болгарии, Югославии, Польше, Австрии, Китае и т. д. Современные исследователи указывают не только на их многочисленность, но и на неоспоримое своеобразие каждого из них. Париж стал политическим центром русского зарубежья, Берлин – литературным. Прага же в 1920 – 1930 гг. была подлинной академической столицей эмиграции (недаром её называли вторым Оксфордом). Большую часть «русских пражан» составляли учёные, педагоги и студенты. Были там и филологи-слависты, литературоведы, исследователи духовного наследия Древней Руси. Один из них – Евгений Александрович Ляцкий (1868 – 1942) – оставил яркий след в истории науки.

Он родился в Минске, окончил Московский университет, работал в Русском музее в Петербурге, в 1917 г. эмигрировал в Финляндию, оттуда – в Швецию, а затем – в Прагу. С 1922 г. Ляцкий был профессором русского языка и литературы в Карловом университете (Univerzita Karlova v Praze), возглавлял Русское историческое общество. Учёный стал одним из инициаторов организации Русского народного университета, основал влиятельное издательство «Пламя» и четыре года руководил им. Он активно сотрудничал с журналом «Slavia», сыгравшим важную роль в развитии филологии. Е. А. Ляцкий написал немало работ по истории русской классической литературы, однако при этом он внёс значительный вклад в изучение летописания, «книг ветшанных».

Прежде всего, Е. А. Ляцкий известен как исследователь «Слова о полку Игореве». В Праге были опубликованы его труды, посвящённые этому

произведению, а также стихотворный перевод памятника, подготовленный учёным. Композиция, стиль, эпико-фольклорные жанровые истоки «Слова...» рассматриваются в монографии «"Слово о полку Игореве"». Повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах русской земли. Очерк из истории древнерусской литературы. Композиция, стиль» [2]. Позже, через три года, под редакцией Ляцкого был издан текст «Слова...», предназначенный для школьного изучения [3], который, впрочем, мог быть адресован и вольным слушателям, и ученикам воскресной школы, существовавшей при «Профессорском доме», где в межвоенный период жили многие эмигранты – представители русской интеллигенции. Рассмотрим именно эту книгу (текст «Слова о полку Игореве» для школьного изучения), а также метатекст, которым филолог снабдил древний источник. Непосредственно перед литературным произведением Е. А. Ляцкий поместил «Несколько замечаний к тексту» – краткую, но вполне раскрывающую концепцию исследователя вступительную статью, в которой рассмотрел ключевые аспекты изучения «Слова...», ставшие сегодня хрестоматийными, а также историю памятника.

По мысли учёного, он был создан в конце XII века. Ляцкий называет точное время – 1187 год – и замечает, что в Древней Руси было распространено несколько списков «Слова...». Один из них и опубликовали в 1800 г. Издание сохранилось, но рукопись, как известно, сгорела во время пожара 1812 г. Древнейший, не дошедший до нас текст памятника «оказался испорченным при переписках» [3, с. 3]. Некоторые страницы были перепутаны. Это заметили спустя век после первого издания «Слова...» и восстановили исходный вариант: «С большим трудом удалось поставить на место стихи и целые строфы, без чего вся композиция памятника была неясной и сбивчивой» [3, с. 3–4]. Ляцкий полагает: древние списки «Слова о полку Игореве» оказали значительное влияние на развитие средневековой книжности; при этом он использует термин «старорусская литература», ныне вышедший из употребления.

Обращаясь к содержанию, произведения, учёный кратко описывает события 1185 года, затрагивает их суть: «...Русские дружины, предводимые новгород-северским князем Игорем и его братом Всеволодом, потерпели жестокое поражение от тюркского племени половцев, много бед причинивших Киевской Руси» [3, с. 3]. Предшествующий год был ознаменован коалиционным походом против неприятеля. Выдающуюся роль в нём сыграли Святослав Киевский и многие другие князья, – подчёркивает Ляцкий. В связи с этим исследователь замечает, что традиционное название «Слово о полку Игореве» недостаточно полно и точно отражает содержание произведения, раскрывает его идею. Ляцкий предлагает называть памятник «Повестью о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах русской земли».

Из этого можно заключить, что жанр «Слова...» учёный определяет как повесть. Однако далее в статье говорится о том, что памятник представляет собою своеобразный сплав героических и величальных песен, «какие слагались при каждом княжеском дворе» [3, с. 4]. Кроме того, особое, не прямое указание на жанр даётся в тексте самого произведения: «Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начати, старыми словесы *трудныхъ повестий...*» [3, с. 5] (здесь и далее выделено нами – А. Ж.). Словосочетание «трудные повести»

Е. А. Ляцкий толкует как «печальные исторические песни». Иначе говоря, древнерусское «повесть» трактуется им как «историческая песня» – два жанровых определения переплетаются и фактически взаимозаменяются. Ведь и «повесть», и «песня» обозначают один и тот же художественный текст. Интересен и перевод эпитета «трудный» из вышеприведённого фрагмента. Учёный полагает, что это – печальный, хотя многие исследователи усматривают здесь значение ‘военный, воинский’. Таким образом, затрагивая проблему жанрового своеобразия «Слова...», Е. А. Ляцкий утверждает, что древний памятник – это песня (печальная историческая) или соединение двух разновидностей песен (героических и величальных). Очевидно, древнерусское слово «повесть» используется учёным в качестве синонима к термину «песня». Возможно, такое решение вопроса жанровой специфики памятника объясняется гипотезой Ляцкого о способе донесения «Слова...» до адресата. Исследователь полагал, что произведение было создано «для исполнения торжественного, песенного, может быть, песенно-инструментального» [3, с. 3]. Недаром Ляцкий много писал об удивительной музыкальности «Слова о полку Игореве». Впрочем, допустимо говорить и об определённой свободе в использовании учёным жанровой терминологии. Так, отдельные части, вошедшие в состав произведения, он называет «поэмами».

Исследователь выделяет два главных компонента структуры художественного текста: «В композиции "Слова..." совершенно отчётливо различаются две основные поэмы – о новгород-северском князе Игоре и киевском великом князе Святославе» [3, с. 4]. Кроме того, «Слова о полку Игореве» содержит фрагменты песен об Олеге Святославиче, Изяславе и Всеславе Полоцком, а также упоминания о бедствиях Русской земли (кстати, строфы, посвящённые Изяславу и Всеславу, Ляцкий называет отрывками песен Полоцкого цикла). Иными словами, канва древнего произведения такова: основные элементы композиции (поэма об Игоре и поэма о Святославе) дополняются своеобразными вставками (отрывками песен о русских князьях и бедах Руси). Любопытно, что строфы об Олеге Святославиче, Изяславе и Всеславе Полоцком Ляцкий считает фрагментами песен «школы знаменитого певца второй пол. XI века Бояна» [3, с. 4].

Размышляя о сложной композиции «Слова...», учёный затрагивает один из важнейших аспектов изучения произведения – вопрос о его авторе и методе, который был использован при написании текста. Ляцкий не сомневается в подлинности памятника. По мнению филолога, его создал «некий, неизвестный нам писатель» [3, с. 4]. Вероятно, данный вывод объясняется «замечательными художественными особенностями» «Слова...», о которых немало говорил исследователь (он писал о «яркой пластике внешних изображений» в «Слове...», об удивительной «ритмической природе стихов» и позволяющем её разгадать глубококом «гениальном синтезе слова и звука» [3, с. 4]). К тому же автор произведения был «сторонником крепкой единоличной власти великого князя киевского над всей русской землёй» [3, с. 4]. Именно поэтому он «сопоставил поэму о Святославе и поэму о походе Игоря, чтобы показать безрассудство воинских выступлений отдельных князей... без верховного руководства князя великого» [3, с. 4]. Сравнение, сопоставление положительного и отрицательного персонажей – один из древнейших

способов создания яркого художественного образа. На фоне мудрости Святослава опрометчивость Игоря выглядит весьма убедительно. И наоборот, «золотое слово» великого князя приобретает особую значимость в связи с недалёковидностью младших князей, их поспешностью и жадой «предней славы». Соединив два основных компонента произведения, автор дополнил их вставками. Зачем? «Чтобы сделать свою мысль более ясной», – полагает Е. А. Ляцкий [3, с. 4]. Идея о единстве Руси, связывающая отдельные части «Слова...», должна быть выражена ярко и предельно чётко. Краткие фрагменты песен об Олеге, Изяславе и Всеславе, изображения бедствий Русской земли, «источником которых были постоянные раздоры князей, завистливых и корыстолюбивых» [3, с. 4], призваны подчеркнуть главную мысль «Слова...» – мысль о необходимости объединения.

Композиция «Слова о полку Игореве» представляла для Е. А. Ляцкого большой интерес. Его концепция во многом является уникальной. В соответствии с ней учёный разделил словесную ткань произведения на семь частей. Именно в таком виде «Слова...» было опубликовано Ляцким для школьного изучения. Приведём краткое описание текста, подготовленного исследователем.

Вступление, в котором изображается Боянова игра, предложены запевки в стиле Бояна и осуществляется переход к поэме об Игоре, начинается словами «Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начати...» и завершается строкой «Трубы трубятъ в Новеграде...» [3, с. 5–6].

Затем следует первый фрагмент *Поэмы о походе Игоря*. Эту часть образуют многочисленные краткие эпизоды: песнь первая (обращение князя Всеволода к брату), речь Игоря «къ дружине своей», описания выступления, ночи перед боем, утренней зари, первой битвы и отдыха после неё, упоминания об опасном промедлении храбрых ольговичей, о спешке половцев, новых грозных предзнаменованиях («кровавыя зори», «черныя тучи», «синие молнии» [3, с. 9]), изображение второй битвы. На этом поэма об Игоре не заканчивается.

Следующий фрагмент памятника, названный Ляцким «*Из песен об Олеге Святославовиче*», повествует о том, как мечом ковалась крамола и росла усобица «при Олзе Гориславличи», деде Игоря, приводившем на Русь половцев. Вербальными границами этой части учёный считает строки «Были вечи Трояни...» и «А сицеи рати не слышано...» [3, с. 10–11] (начало и конец соответственно). Рассказ об Олеге Святославиче – вставной элемент в структуре «Слова...».

После него продолжается *Поэма о походе Игоря*; начинается её вторая часть, содержащая яркие батальные описания и плач о бедствиях Русской земли. («Из песен Игоревы цикла» [3, с. 12], – уточняет Ляцкий). Завершением фрагмента является строка «А мы уже, дружина, жадни веселия» [3, с. 13].

«Уже бо, братие, невеселая година встала» [3, с. 13], – так начинается *Поэма о Святославе Киевском*, очередная «глава» произведения, один из основных компонентов его композиции. Поэма о Святославе также включает в себя плач о бедах Руси. Однако на этот раз, по мнению Ляцкого, его сформировали отрывки «песен Святославова цикла» [3, с. 13]. Исследователь замечает, что именно в этой части рассказчик воздаёт хвалу великому князю и

укоряет Игоря, изображает «мутень сонь» Святослава, приводит его «злато слово» [3, с. 15], обращение к братьям Игорю и Всеволоду. Святослав сетует на равнодушие прочих князей, вспоминает славные дела князей «старых», просит о помощи «новых». Иными словами, поэма о Святославе Киевском тоже «соткана» из разных элементов. Но, в отличие от поэмы об Игоре, она не разорвана вставками, имеет чёткие границы, читается как единый, монолитный текст. К тому же важную роль играет её смысловая целостность. Для поэмы о Святославе, по утверждению Ляцкого, характерна «общая идея» [3, с. 4], связывающая отдельные эпизоды. Эта часть заканчивается знаменитым рефреном «За землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святославлича» [3, с. 18].

Следующий фрагмент памятника назван учёным «Из песен цикла Полоцкого». Это очередная вставка. Герои краткого повествования – Изяслав, «сынъ Васильковъ» [3, с. 19], и Всеслав Полоцкий. Начало и конец части – строки «Трубы трубятъ Городеньский...» [3, с. 18] и «...Суда Божиа не минути» [3, с. 20] соответственно.

Завершает произведение, согласно концепции исследователя, третья часть *Поэмы о походе Игоря*, начинающаяся словами «Но уже, Княже Игорю...» [3, с. 20] и содержащая ряд кратких эпизодов: песнь вторую (обращение повествователя к Игорю), плач Ярославны, описание бегства Игоря из плена и его радости при расставании с Донцом, воспоминание о гибели Ростислава на Стугне, изображение половецкой погони, изречение Бояна, строфы о том, как «Игорь Князь едетъ по Боричеву» («Игорь Князь въ Руской земли») [3, с. 24].

Таким образом, собственно поэма о походе Игоря разделена на три части двумя вставными элементами и поэмой о Святославе. Об этой необычной мозаичности Ляцкий говорит в своей вступительной статье. В то же время учёный замечает: «Поэма об Игоре поражает единством композиционного плана» [3, с. 4]. Что же объединяет различные её фрагменты? – Общая идея и главный герой.

Исследователь не только взял на себя смелость разбить древний текст в соответствии с авторской концепцией, но и снабдил его своеобразными ремарками, помещёнными на полях книги: *Романтика Бояновой игры*, *Переход к поэме об Игоре*, *Запевки в стиле Бояна* и т. д. Свод данных комментариев представляет собою, с одной стороны, сжатый пересказ содержания произведения, с другой стороны, его структуру, но не краткую семичастную, включающую лишь главные компоненты, а развёрнутую композицию – подробный план «Слова...»:

Романтика Бояновой игры
Переход к поэме об Игоре
Запевки в стиле Бояна
ПОЭМА О ПОХОДЕ ИГОРЯ
Песнь первая
Речь Игоря
Выступление
Ночь перед боем

Плач о бедствиях Русской земли. (*Из песен Святославова цикла*)
Хвала Святославу, укор Игорю
Сон и златое слово Святослава
Обращение к Игорю и Всеволоду
Сетование Святослава на равнодушие князей
Поучительный пример «старых»

Заря утренняя		князей
Первая битва		Обращение к князьям за помощью
Отдых после битвы.	Опасное	ИЗ ПЕСЕН ЦИКЛА ПОЛОЦКОГО
промедление		Об Изяславе
Половцы спешат		О Всеславе Полоцком
Снова грозные предзнаменования		Размышление о судьбе Всеслава
Вторая битва		ПОЭМА О ПОХОДЕ ИГОРЯ
ИЗ ПЕСЕН ОБ ОЛЕГЕ		Песнь вторая
СВЯТОСЛАВОВИЧЕ		Плач Ярославны
ПОЭМА О ПОХОДЕ ИГОРЯ		Бегство Игоря из плена
Переход к дальнейшей части поэмы		Радость Игоря при расставании с
Продолжение		Донцом
Плач о бедствиях Русской земли. (<i>Из песен Игорева цикла</i>)		Воспоминание о гибели Ростислава на
ПОЭМА О СВЯТОСЛАВЕ		Стугне
КИЕВСКОМ		Половецкая погоня
		Изречение Бояна
		Игорь на Руси

Что же подтолкнуло Ляцкого к *такому* разделению текста? Как уже подчёркивалось, каждая часть имеет характерные для неё тему, идею, микросюжет, своего главного героя. Вероятно, это и учитывал исследователь, создавая концепцию построения произведения. Иными словами, решающую роль сыграло содержание памятника, его смысловая наполненность – вопросы формы, стиля при стратификации «Слова...» на своеобразные «главы» затрагивались учёным в меньшей мере. При этом он неоднократно говорил об удивительной цельности древнего литературного произведения, фрагменты которого объединены общими художественными образами, тематикой, проблематикой и т. д.

Интерес для современного исследователя-медиевиста представляют не только ремарки Ляцкого на полях изданной им книги, но и разнообразные сноски, расположенные в конце каждой страницы. Именно они – показатель кропотливой работы учёного, глубокого проникновения в словесную ткань памятника. В данных комментариях представлены ценные сведения, поясняющие и дополняющие древнерусский текст, а также толкования «тёмных мест» «Слова...» Все постраничные примечания условно можно разбить на несколько основных групп.

Во-первых, многочисленны разъяснения, связанные с личностями князей, указывающие на то, кто из правителей с кем находился в родстве, чем прославился и т. п. Подобные сноски призваны ответить на главный вопрос – «Кто есть кто?» Порой они содержат лишь полное имя князя и дату его смерти (Ярослав – «*Ярослав Всеволодович, князь Черниговский († 1198)*» [3, с. 19]), но иногда представляют собою развёрнутые сообщения биографического характера (Борис Вячеславич – «сын Вячеслава Смоленского, обиженный при разделе уделов, вступил в союз с Олегом и Романом против Всеволода I. Он был убит в битве на Нежатиной ниве около Чернигова (1078)» [3, с. 11]). Ляцкий комментирует имена всех князей, упомянутых в «Слове...», –

формируется своего рода краткий справочник персоналий, в который также можно включить сведения о Бояне («Певец и слагатель песен 2-ой половины XI века (воспевал эпоху Ярослава Мудрого при дворе его сына Святослава Ярославича)» [3, с. 5]) и Ярославне («Ефросинья Ярославна, супруга Игоря, дочь Ярослава Галицкого» [3, с. 21]), представленные учёным.

Во-вторых, в ряде примечаний речь идёт о тех или иных легендарных либо исторических событиях, происходивших на Руси и за её пределами (что встречается и в заметках о князьях – именно поэтому предложенная классификация комментариев-сносок довольно условна): «о единоборстве русского князя Мстислава... с касожским богатырём Редедю» [3, с. 5], о «междоусобных войнах Олега Святославича... за Черниговский удел с Всеволодом I...» [3, с. 10], о «победе Всеволода над волжскими болгарами...» [3, с. 17], о «проникновении войск римского императора Траяна... в пределы современной Румынии» [3, с. 6] и др.

В-третьих, отдельные сноски объясняют топонимы (особенно гидронимы – названия водоёмов): Каяла – «стародавнее обозначение притока Дона» [3, с. 9], «...по-Рси и по-Сули...» – по «притокам Днепра. Половцы опустошали по этим рекам Русскую землю и брали города» [3, с. 20], «...из луку-морья...» – «от лукоморья. Здесь имеются в виду северные берега Чёрного и Азовского морей» [3, с. 14], «...у Римь...» – «у городка Римы (Римов)» [3, с. 16], Боричев – «предместье Киева того времени» [3, с. 24] и др.

Наконец, четвёртая разновидность комментариев связана с толкованием так называемых «тёмных мест» – «чтений, неясных по смыслу, явных нарушений грамматических норм древнерусского языка...» [6, с. 106–107].

Описывая Ярослава Галицкого, автор «Слова...» говорит, что князь мечет «бремены через облака». Интересна трактовка данной характеристики, предложенная Ляцким. По его мнению, «бремены» – «каменные ядра, которые бросали осаждающие в стены города из орудий особого рода, напоминающих римские катапульты» [3, с. 17]. Д. С. Лихачёв переводил это «тёмное место» так: «...Перемётывая тяжести через облака...», – и пояснял: «Ярослав обычно посылал войска далеко за пределы своего княжества, не сопровождая их сам» [5, с. 68]. Другой учёный В. Л. Виноградова замечала: «Можно предполагать, что здесь образно говорится о торговле Ярослава Галицкого с Западной Европой: корабельные товары он перебрасывал через перевалы Карпат» [1, с. 95]. Исследовательница указывала и на возможность иного толкования фрагмента: «бремены» – это каменные снаряды. Их Ярослав «метал... для устрашения западных соседей через Карпаты (гипербола)» [1, с. 100]. Но данная точка зрения представлялась Виноградовой маловероятной. Наконец, Л. Е. Махновец считал, что речь действительно идёт о ядрах и метательных приспособлениях [4, с. 43–45]. Суждения Виноградовой и Махновца были изложены в работах 1980-ых годов – Ляцкий опередил их на полвека. Однако его вклад в изучение древнего памятника не был до конца учтён такими авторитетными изданиями, как, например, «Энциклопедия "Слова о полку Игореве"» [6].

Таким образом, многие наблюдения Ляцкого, связанные с различными фрагментами памятника, весьма оригинальны. Уникален его подход к

решению проблемы жанра, вопросу композиции «Слова...» Очевидно: книга 1937 г. – редкое явление в сфере методики преподавания древнерусской литературы. Остаётся добавить, что в тексте, подготовленном учёным, расставлены ударения, то есть в Праге вышло первое на территории Чехословакии акцентированное издание «Слова о полку Игореве» (аналогичные появлялись и в метрополии). К сожалению, труды исследователя по истории средневековой книжной традиции мало изучены. Но они, действительно, являются ценными и значимыми.

Список литературы

1. Виноградова, В. Л. О методе лексикологического изучения текста «Слова о полку Игореве» [Текст] / В. Л. Виноградова // Вопросы языкознания. – 1978. – № 6. – С. 93–103.
2. Ляцкий, Е. А. «Слово о полку Игореве». Повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах русской земли. Очерк из истории древнерусской литературы. Композиция, стиль [Текст] / Е. А. Ляцкий. – Прага : Нобель Пресс, 1934. – 282 с.
3. Ляцкий, Е. А. «Слово о полку Игореве». Повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах русской земли. Текст для школьного изучения [Текст] / Е. А. Ляцкий. – Прага : Slavica, 1937. – 316 с.
4. Махновец, Л. Е. Про автора «Слова о полку Игоревім» [Текст] / Л. Е. Махновец. – Київ : Держ. університет, 1989. – 264 с.
5. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк [Текст]. – М. : Просвещение, 1982. – 176 с.
6. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» [Текст] : в 5 т. – СПб. : Дмитрий Булалнин, 1995. – Т. 5 : Слово Даниила Заточника – Я. Дополнения. Карты. Указатели. – 399 с.

A LOOK AT “THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN” FROM THE RUSSIAN PRAGUE

A. U. Zhygalov

Lomonosov Moscow State University
The department of history Russian literatura

The article examines the book of philologist-expat E.A. Lyatsky “The Tale of Igor's Campaign”. The Tale of Prince Igor, Svyatoslav and the historical destiny of the Russian land. The text for the study” (Prague, 1937) as a rarity in the field of teaching techniques of ancient Russian literature.

Key words: *emigration, Czechoslovakia 1920-1930 gg., Russian Prague, medieval studies, the history of the study of ancient literature, E. A. Lyatsky, "The Tale of Igor's Campaign"*

Об авторах:

ЖИГАЛОВ Александр Юрьевич – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, ГСП, 1-й ГУМ), e-mail: Zhigalov1571@yandex.ru